

II

Внутренние противоречия в оценке общественных движений конца XV—начала XVI в., обнаружившиеся в дореволюционной научной литературе, не разрешены и в современной западной литературе по этому вопросу. Как и дореволюционные исследователи, западные литературоведы и историки, говоря об идеологических движениях древней Руси, исходят из представления о совершенном своеобразии исторического развития России по сравнению с Западной Европой. Представление о своеобразии общественной идеологии Руси как идеологии сугубо «восточной», связанной с «Восточным Римом» (Византией), свойственно не только публицистическим и полупублицистическим статьям, посвященным «русской проблеме» вообще,⁴⁸ но и научным исследованиям по истории и литературе древней Руси. Усвоив популярное в дореволюционной историографии представление о развитии Московской Русью «идей, посеянных греками»,⁴⁹ иностранные исследователи прежде всего стараются определить те специфические черты, которые, по их мнению, присущи Византии и Руси. Именно этому вопросу посвящена, например, монография У. К. Медлина «Москва и Восточный Рим». Характерной особенностью византийского церковно-общественного устройства Медлин считает своеобразный теократический абсолютизм, при котором «универсальной церкви» соответствует единая «универсальная империя» согласно принципу «нет церкви без императора». Этот принцип, совершенно чуждый Западу, был, по мнению автора, полностью воспринят Русью и играл решающую роль в идеологии русского самодержавного государства XV—XVII вв., разработанной главным образом иосифлянами.⁵⁰ Следует заметить, что и в этой общей форме концепция Медлина не представляется убедительной. Принцип «нет церкви без императора», который он считает присущим всей византийско-русской идеологии, до XV в. на Руси вообще не применялся: считая русскую митрополию частью константинопольской патриархии, ни киевские князья, ни русские князья времени феодальной раздробленности не признавали при этом политической «игемонии» византийского императора.⁵¹ Теория «единого православного государя» («Москва — третий Рим») появилась на Руси только после падения Константинополя и разрыва русской церкви с Византией и имела в виду уже не византийского императора, а московского «государя всея Руси». Однако для того, чтобы установить степень своеобразия этой московской политической идеологии конца XV и XVI в., необходимо сопоставить ее прежде всего с современными ей политическими учениями в других странах. Только такое

⁴⁸ Н. Кohn. The Permanent Mission. — The Review of Politics, Notre Dame, Indiana, vol. 10, July 1948, № 3; О. Halecki. Imperialism in Slavic and West European History. — The American Slavic and East European Review, vol. XI, № 1, Febr. 1952; С. Toumanoff. Moscow the Third Rome. — Catholic historic review. Washington, 1955, Jan., vol. 40, № 4. Критику статей этого типа см.: N. V. Riazanovskiy. Old Russia, the Soviet Union and Eastern Europe. — The American Slavic and East European Review, vol. XI, № 3, Okt. 1952; О. Р. Backus. Was Muscovite Russia imperialistic? — The American Slavic and East European Review, vol. XIII, № 4, Dec. 1954.

⁴⁹ Ср.: А. Mazon. Byzance et la Russie. — Revue d'histoire de la philosophie..., fasc. 19. Lille, 1937; А. Mayendorff and N. H. Baynes. The Byzantine inheritance in Russia. — Byzantium. Oxford, 1948.

⁵⁰ W. K. Medlin. Moscow and East Rome. A political study of the relations of church and state in Muscovite Russia. Genève, 1952.

⁵¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; Пл. Соколов. Русский архиепий из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913; ср.: W. K. Medlin. Moscow and East Rome..., стр. 69—71.